

А.Л. Соломоновская

Новосибирский государственный университет

**Особенности лексического состава и переводческой техники
славянских Ареопагитик (вариативность лексических средств)**

Афон был крупнейшим центром развития исихазма, как и центром славяно-византийского сотрудничества в духовной и политической сферах. Монастыри Святой Горы собирали монахов всего христианского востока – греки, сербы, болгары, русские сформировали «ту смешанную византийско-славянскую духовную культуру, которая и составила одну из характерных особенностей XIV и XV вв.» [Дуйчев, 1963, с. 121]. Афонский Пантелеимоновский монастырь считался русским. Неудивительно поэтому, что в предисловии Исаии (по общепринятой сейчас версии – серба, но высказывались также предположения о его болгарском происхождении [Клибанов, 1957]), двадцать лет бывшего игуменом этого монастыря, заметно русское влияние. В этом предисловии Исаия, несмотря на свободное владение греческим [Харней и др., 2003], сетует на трудность перевода, так как «греческы бо языкъ ово убо от Бога исперва художень и пространство бысть; нашъ же словенскы языкъ от Бога добръ сътворень бысть, понеже вся елика сътвори Бог зѣло добра, нъ улишением любоученіа любочъстивых слова мужей хытлости яко же онъ не удостоися» [цит. по: Мошин, 1963, с. 86] и предостерегает против ереси, которая может появиться в связи с неточностью перевода. Сам он отнесся к этому предприятию очень ответственно, посвятив ему четверть века своей жизни. Исаия, как считает Г. Гольц [Goltz, 1983, с. 141], был «ключевой фигурой на Святой Горе», являясь не только религиозным, но и общественным деятелем, он принимал участие в дипломатических переговорах сербской делегации с патриархом Филофеем в Константинополе. Именно к нему обратился за советом Киприан перед своим отъездом на Русь. Принялся Исаия за перевод Ареопагитик по поручению Феодосия Серрского в 1346 году и трудился над ним до 1371 года. За это время значительно изменилась политическая обстановка, «в борьбе за Византийское наследие турки побеждали болгар и сербов» [Goltz, 1983, с. 139]. Старец Исаия не мог остаться равнодушным к этим трагическим событиям, и в своем предисловии с горечью рисует картину разорения своей земли, которая «цвела как райский сад» в то время, когда он начинал свой труд.

Что касается качества самого перевода, то, по оценке А.И. Клибанова [Клибанов, 1957, с. 166], «несколько пострадавшей в переводе является эманационная теория Псевдо-Дионисия, как от сокращений, так и от огрубления мысли Псевдо-Дионисия, для адекватного выражения которой переводчику не хватило терминов». А.И. Клибанов не считает, тем не менее, что переводчик предпринимал «сознательные попытки перетолкования Псевдо-Дионисия в ортодоксально-церковном духе. В меру своего разумения переводчик добросовестно делал свое дело, и когда через 300 лет после Исаии был осуществлен новый перевод сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита, то он в большой мере повторил перевод Исаии» [там же]. Другой исследователь дает более высокую оценку перевода: «Перевод Исаии очень буквален, вплоть до копирования греческого синтаксиса, но в то же

время производит впечатление замечательной переводческой работы, содержит тонкое толкование сложнейших пассажей, является, по большому счету, фило-софским и филологическим трудом» [Афонасин, 1999, с. 15].

Перевод, выполненный пословно, а тем более в рамках Афонской переводческой школы, неизбежно во многом повторял оригинал, был своего рода «калькой» с него. Одной из характерных черт Афонской школы было стремление найти однозначный эквивалент каждому греческому слову. Тем интереснее рассмотреть те случаи, когда переводчик отступал от греческого текста или использовал разные варианты перевода одного и того же греческого слова. Данная работа посвящена изучению вариативности лексических средств в славянских Ареопагитиках, точнее, в самом тексте (без комментариев) трактата «О небесной иерархии», открывающего корпус. Подсчеты, выполненные по греческо-славянскому словнику (1775 лексем), не учитывавшие, впрочем, показания контекстов, показали следующий результат:

Таблица 1

Соответствие	1:1	1:2	1:≥3
Количество лексем	1362	303	109
Процентное соотношение	77%	17%	6%

Таким образом, перевод Исаян был выполнен в целом в соответствии с приведенным выше принципом Афонской переводческой школы. Тем не менее, отклонения от указанного принципа составили почти четверть (23 %) всей выборки и поэтому заслуживают отдельного рассмотрения.

Видовые пары глаголов

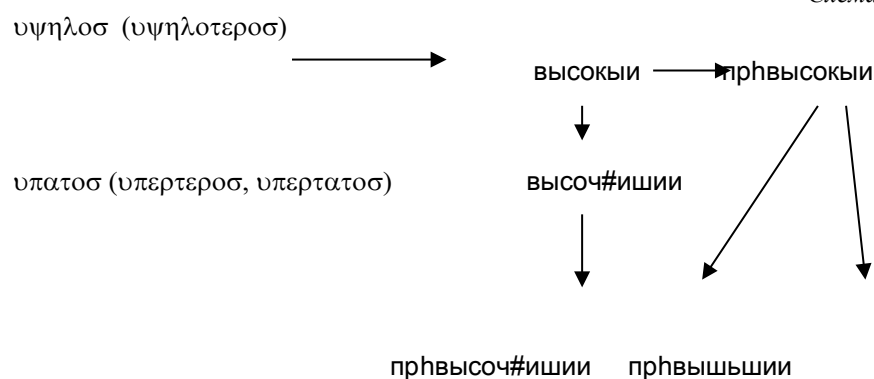
Примерно 9 % (или 39 примеров) неоднозначных соответствий представляют собой видовые пары глаголов (типа **възводити – възвести; назьдати – назьдвати**). Выбор глагола в каждом конкретном случае зависел от требований контекста, а иногда диктовался формой греческого глагола. Так, в паре **творити – сътворити** глагол НСВ соответствовал спрягаемым формам и причастиям *Праес.*, тогда как **сътворити** использовался в соответствии с аористом соответствующего греческого глагола *ποιε/ω*. Более детальное рассмотрение видовременных соотношений оригинала и перевода выходит за рамки данной работы и может стать задачей отдельного исследования.

Морфологические варианты (существительные и прилагательные)

Около 7,5 % неоднозначных соответствий представляют собой обусловленные языковым фактором варианты славянских имен, соответствующих греческим существительным и прилагательным. Одному греческому существительному в переводе могло соответствовать и существительное, и прилагательное, что связано с традиционной передачей греческого *Gen. Possesivus* славянским притяжательным прилагательным (это явление фиксируется многими исследователями переводных произведений, в частности С.А. Авериной, изучавшей древнеславянский перевод Жития Епифания Кипрского [Аверина, 1975]). Наоборот, прилагательному оригинала могло соответствовать и прилагательное, и (при субстантивации) существительное перевода. В эту же группу входят также варианты передачи греческой сравнительной и превосходной степени. Категория суперлатива подразделяется на «относительную превосходную степень» – «собственно суперлатив» – (которая характеризуется наличием сравнения объекта с множеством подобных

предметов) и «абсолютную превосходную степень» (обозначающую высшую степень проявления признака объекта вне сравнения с другими объектами). В.С. Ефимова замечает, что в греческом языке, который имел как сравнительную, так и превосходную степени сравнения, в раннехристианскую эпоху шел процесс разрушения данной системы, выразившийся в «присвоении» компаративом функций «собственно суперлатива». Таким образом, первые славянские переводчики «столкнулись с проблемой передачи значения суперлатива при переводе текстов с языка оригинала, имеющего нестабильную систему форм компаратива: суперлатива, на славянский язык, вовсе не имеющий форм суперлатива» [Ефимова, 2000, с. 43]. Как отмечал еще В.М. Истрин [см.: Истрин, 1920; см. также: Аверина, 1975; Вайан, 1952; Вялкина, 1964], сравнительная и превосходная степень греческого оригинала в основном передавалась в переводах славянским прилагательным в положительной степени, часто с усилительными префиксами **прh-** и **наи-**. По мнению А. Вайана, переводчики использовали усилительный префикс или наречие со значением «очень, весьма» для передачи «абсолютной превосходной степени», а форму славянского компаратива для передачи как сравнительной, так и «относительной превосходной степени» греческого оригинала. В.С. Ефимова, однако, полемизирует с этой традиционной точкой зрения. Опираясь на данные ССС, исследователь делает вывод, что «основным назначением приставки **прh-** был не перевод форм греческого суперлатива, а передача греческих приставок **u(рег-** и **рап-**» [Ефимова, 2000, с. 43], а (в старославянском языке) «формы компаратива служили для выражения как значений компаратива, так и значений суперлатива» [Там же, с. 46]. Исаия в некоторых случаях следует отмеченной В.М. Истриным и А. Вайаном традиции, а в некоторых – калькирует греческое слово (*dieide / statoj* – чистѣишии и чистиы; *sebasmio / tatoj* – чьстьнѣишии и чьстьныи). Особенно интересным представляется пронаблюдать за передачей в переводе Исаии двух синонимичных греческих лексем *u(yhlo/j* (*u(yhlo/teroј*) и *u(patoј* (*u(pe/rteroј*, *u(pe/rtatoј*). В данном случае, наличие префикса **прh-** может обуславливаться как необходимостью передать греческий суперлатив, так и наличием соответствующей морфемы (**u(рег-**) греческого слова. На схеме 1 отражены все способы передачи данных греческих прилагательных в сравнительной и превосходной степени которые мы встречаем в переводе Исаии.

Схема 1

Варианты-синонимы

Различные переводы одного и того же греческого слова в одном или близких значениях позволяют получить новую информацию о системных отношениях лексики церковнославянского языка. Одному греческому слову (или корню сложного слова) в переводе Исаяи могут соответствовать 2 (изредка – более) синонимичных славянских эквивалента (например, а)gnw/stoj – незримъ и невидимъ\$; zwh/ – жизнь би животь; oi)kei=wj– искрннн и свойствнн (о происхождении славянского *искръ* в значении «близко» и развитии его семантики – см. [Шенкер, 1981; Мурьянов, 1981]); ku/kl% – окр@гъ и окрестъ\$; qesmoqesi/a – уставоположеніе и законоположеніе; qeopreph/j – богоподобнии и боголпннии). Всего таких пар и групп синонимов 134 или 33 % неоднозначных соответствий. Среди них есть и общезыковые синонимы (например, о)cu/j – острии b и быстрии – о происхождении пары см.: [Варбот, 1998]), и функциональные варианты (термин Л.Г. Панина [Панин, 1988]) – бог b и благо (a)gaqoeidw=j – боговиднн и благовиднн; qeoeidei/a – боговидннне и благовидннне).

Отдельного рассмотрения заслуживают два словоупотребления, сопровождавшиеся глоссами, которые принадлежат либо митрополиту Киприану, либо самому переводчику. Данные глоссы, как кажется, могут свидетельствовать о принадлежности маргиналий именно переводчику, тем более, что, по крайней мере, одна из них не встречается в греческих рукописях.

В рукописи F VI на л. 50об. к тексту *изъ#вителіе же вси с@т и вѣстници* предыдущих тѣмъ на левом поле приписано: *вѣстници рекше аггелы*. В контексте речь идет о роли чинов ангельской иерархии в возведении къ всѣмъ благооудобреніа прѣначлном@ нач#л и и конци/. Современный перевод отрывка: «все умы суть истолкователи и *вестники* тех, кто прежде их [по чину]» [Макаров-Мильков-Смирнова, 2002, с. 266]. Греческое а)/ggelos, которое передавалось обычно освоением заимствованием «ангел» (аггель – в орфографии Исаяи), в данном случае переводится, то есть происходит ретимологизация греческого термина, возвращение его внутренней формы. Для двуязычного переводчика этого было достаточно, чтобы объяснить основную роль, которую играли «небесные вестники». Глосса, отмеченная уже в древнейшей славянской рукописи Ареопагитик Гильф-46, оказалась необходимой (по-видимому, именно переводчику, или справщику, имевшему под рукой греческий текст – если Гильф- 46 не была автографом переводчика) для того, чтобы подчеркнуть уже подзабытую связь заимствования аггель би славянского образования вѣстникъ, которое зафиксировано в словарях в основном в соответствии с а)/ggelos, но в его первоначальном, нетерминологическом значении «вестник, посол» применительно к людям, хотя в литературе встречается упоминание о том, что «непереведенный грецизм («ангел» – А.С.) в позднейших конфессиональных текстах имел синоним-кальку *вестник (божию)*» [Хабургаев, 1989, с. 5].

Во втором случае на л. 14об. маргиналией *сирѣчь кимирь* глоссируется слово *образъ*, использованное Исаяей в соответствии с греческим а)/galma. В философской системе Ареопагитик и в трактате «О небесном священноначалии», в частности, понятие «образъ» является одним из центральных [Бычков, 1973], и славянская многозначная лексема передает целый ряд греческих слов:

образ(s)ъ

ei)kw/n, su/mbolon, tro/pos, tu/pos, sxh=ma, morf/h/, mo/rfwsij,

a)/galma. В словаре Миклошича среди 15 греческих соответствий слову образ (среди которых почти все вышеприведенные, а также некоторые другие) слово a)/galma не фиксируется. В литературе [Гранстрем-Ковтун, 1977; Орлова, 1975; Панин, 1987; Чернышева, 1991а, б] такого соответствия также не приводится. В работе М.И. Чернышевой [Чернышева, 1991а] приводятся основные значения сло-

ва образ(s)ъ, среди них – появившаяся в результате терминологизации семантическая калька греческого ei)kw/n – «икона, образ». В данном контексте речь идет о преимуществе «неподобных подобий» над «подобными», так как «подобные», то есть возвышенные образы могут ввести в грех идолопочитания. В современном переводе этот отрывок звучит следующим образом (соответствующее a)/galma слово выделено курсивом): «Так и все богомудрые пророки сокровенного вдохновения совершенно отделяют Святая святых от несовершенных и не благочестивых и предпочитают неподобное создание священных образов, чтобы божественное не оказалось в руках низменных и любящие созерцать священные *образы* не останавливались на этих образах, как на истинных, почитая божественное [способом] истинных отрицаний и через иные уподобления его последнему отголоску» [Макаров и др., 2002, с. 236-236].

Греческое словоупотребление (a)/galma – «украшение, статуя (особенно богов)» [Вейсман, 4] свидетельствует о том, что автор Ареопагитик имел в виду скорее языческие статуи богов (идолы или *кумиры*), чем собственно христианскую икону-образ. Именно поэтому автор маргиналий, кем бы он ни был, счел нужным уточнить, какого рода образ(s)ъ имеется в виду. Перевод a)/galma как *кумиръ* встречается в Толковой (или четвѣй) редакции славянского перевода Книги пророка Исаии, появившейся «в X-XI в. в среде переводчиков круга царя Симеона» [Камчатнов, 1998, с. 23]. Другое соответствие греческому a)/galma в тексте трактата – *подобіе* в традиционном использовалось в соответствии с этой греческой лексемой (в словаре Миклошича приводится со ссылкой на Пандекты Антиоха, памятник XI в.). Употребление *подобіе* в значении языческого идола восходит к переводу известной заповеди «Не сотвори себе кумира...» – Ou) poi/h/seij seaut%= ei)/dwlon ou)de panto/s **o(moi/wma.** Это слово является калькой соответствующего греческого (отмечено в Пространном Житии Константина-Кирилла, в главе, посвященной диспуту с иконоборцем Иоанном Грамматиком) [см.: Верещагин, 1996]. В «Послании иконописцу», составленном на рубеже XV-XVI вв., слово «подобие» сопровождается эпитетом «достойное» [Голейзовский, 1965, с. 225], только так эта лексема очищается от древнего значения «языческий идол».

Словообразовательные варианты: калька vs. традиционный эквивалент

Ограниченный объем работы не позволяет подробно остановиться на всех словообразовательных вариантах (различающихся способом образования, либо словообразующими морфемами – суффиксальные, префиксальные варианты), поэтому подробно будут рассмотрены варианты – словообразовательная калька vs. традиционный эквивалент. Они составляют около 16 % всех неоднозначных соответствий и отражают, с одной стороны, уровень переводческого мастерства Исаии, который разграничивал различные оттенки значения одного и того же греческого слова, вводя несколько славянских эквивалентов, один из которых имел ту же словообразовательную структуру, что и оригинал (см. примеры 1, 3); а с

другой – колебания переводчика между калькированием, основным средством его техники, и передачей греческого слова другим славянским эквивалентом, возможно, использовавшимся в соответствии с этой греческой лексемой уже на протяжении столетий (см. примеры 2, 4).

Пример 1

В тексте трактата встречаются три греческих слова (а)lhqw=j, o)/ntwj, kuri/wj), семантика которых среди прочих содержит характеристику действия по вероятности его осуществления или его соответствия действительности («на самом деле»), и его «морально-этическую характеристику» («законно, правильно, справедливо, истинно»). Лексеме o)/ntwj было свойственно, в основном, первое значение, что обусловлено ее происхождением (от глагола ei)mi/ – быть). Два других греческих слова в той или иной степени сочетали в себе оба оттенка значения. Это различие в семантике хорошо ощущал Исаия, который в процессе перевода выбирал между двумя славянскими лексемами – адвербиализованным предложно-падежным сочетанием **въистин@** и калькой **истинн h**. Первый из вариантов фиксируется в Словаре XI-XVII вв. также в форме **воистинн h** и **воистинно**, что свидетельствует о том, что, по крайней мере, в XV в. – время, на которое ссылается Словарь, – это сочетание функционировало уже как единообразная лексема. В славянском тексте трактата «О небесной иерархии» o)/ntwj регулярно передается первым вариантом (11 словоупотреблений), а в передаче a)lhqw=j и kuri/wj наблюдаются колебания:

а)lhqw=j – **въистин@**

1. иныи же аггель іwсифанаказа како въистин@ исплънити с# им@тъ (Глава 4);

2/ Зрачн h въобража# тіихъ богозданное оуподоблен іе н@ яко въис - тинноу том@ приближаема# (Глава 7);

а)lhqw=j – **истинн h**

1/. ^ бога м wвсєwви дарованно яко да ібо нас истинн h научить (Глава 4);

2. егда м wти и пръвыимъ и ср ѣднимъ и посл ѣднимъ силам искрнн h (совр. пер. – действительно) и истинн h (правильно) налагати (Глава 15).

Из приведенных контекстов видно, что Исаия использовал **въистин@** для передачи значения «воистину, на самом деле», а наречие **истинн h** в качестве эквивалента греческого a)lhqw=j, когда у него появляется скорее оценочная семантика.

То же касается и греческого kuri/wj (2 употребления в тексте трактата), основное значение которого «законно, справедливо, вполне» Исаия передает наречием **истинн h**: и ни едином и ^ с@тіих томоу подобн h именоватис# истинн h (Глава 12) Впрочем, в этом случае нельзя говорить о калькировании, хотя передача греческого прилагательного ku/rioj (kurio/teroj – истинн h) и соответствующего наречия с помощью образований от славянского **вистина**, возможно, является нововведением переводчика, так как соответствующее явление в слова-

рях не фиксируется. Во втором случае *kuŕi/wj* передается **въистин@** : **къ ни единм@с** иетно **мн# тїихс# н@** къ **въистиноус@** темоу (Глава 8). Хотя у Вейсмана не фиксируется соответствующее значение *kuŕi/wj*, само противопоставление «мнящегося» и «сущего» подсказывает семантику «на самом деле, воистину».

Таким образом, рассмотренный пример характеризует уровень переводческого мастерства инока Исаии, который умел различить оттенки значений греческих слов, выбрать для передачи каждого из них постоянный эквивалент и последовательно придерживаться этого разграничения на всем протяжении текста трактата.

Пример 2

Греческий философский термин *to\ ei)=nai* – «бытие», по происхождению субстантивированный инфинитив от *ei)mi*, по данным словарей, с древнейших

времен передавался отвлеченным существительным **бытіе/**. Так, в ССС эта лексема приводится со ссылкой на Евх., Супр. и другие старославянские памятники; Срезневский в соответствующей словарной статье цитирует как переводные (Изборник 1073), так и оригинальные ранние древнерусские памятники (Житие Феодосия Печерского); в Словаре XI-XIV вв. дается ссылка на Изборник 1076 г., в Словаре XI-XVII вв. – на Минею 1096. С другой стороны, В.Н. Щепкин отмечает, что «очень рано, вероятно еще при первоучителях, введено местоимение **еже** для передачи греческого члена при неопределенной форме глагола» [Щепкин, 1967, с. 169]. Рассматривая два перевода одного отрывка в составе 13 Слов Григория Назианзина, С.В. Дегтев в соответствии с этим термином фиксирует как кальку **еже быти**, которая встречается в переводе, восходящем к охридской школе, так и **бытіе** – в переводе Иоанна Экзарха Болгарского [Дегтев, 1991, с. 39]. М.А. Момина отмечает это отвлеченное существительное в соответствии с субстантивированным инфинитивом в русских списках минеи нотированного Стихирая [Момина, 1992]. Таким образом, как и древние переводчики, Исаия стоял перед выбором – скопировать структуру греческого субстантивированного инфинитива (для Афонской школы в целом и Исаии в частности, как, впрочем и для некоторых оригинальных и переводных древнерусских произведений, характерна была передача греческого субстантивирующего артикля формой местоимения *bt* **иже**) или использовать традиционный славянский эквивалент. Греческое *to\ ei)=nai* в значении «бытие» встречается в тексте трактата пять раз. Для экономии места ограничимся здесь только славянскими цитатами, приводя в скобках современный перевод интересующего нас словосочетания:

В главе 4 Дионисий обосновывает возможность использования «неподобных подобий» в катафатической гносеологии тем фактом, что любое живое существо «причастует» Творцу и обязано ему **бытием-жизнью**, а неодушевленный предмет «приобщается» Ему самым фактом своего **бытия**:

1. **яко** **благост** **и#** **въс** **h** **прhc@** **тъствное** **богоч#п** **іе** **яже** **с@щїихъ**, **с@** **тъствїа** **съставивъ** **въ** **еже быти** **приведе** (привело их к бытию) **тестъ** **бо** **се** **вс** **hхъ** **вины**

2. **неживотнаа** **оубо** **въс** **h** **еже быти** **том@** **прич#ств@#т** (приобщается Ему своим бытием), **еже** **бо** **быти** **въс** **hмь**

В главе 13, посвященной «огненному» ангельскому чину – серафиму, особое внимание уделяется образам огня и света и проводится характерная для Дионисия аналогия Божественного промысла и солнечного света, порождающего жизнь в физическом мире:

3. яко свѣта съ тѣством и самомъ и еже быти и зрѣти виновень ([Бог] как сущность света и причина его существования и восприятия)

4. иже и прѣваасъ тѣствіа и къ еже быти приведеъ (кто первые сущности привел к бытию)

Лишь в одном случае Исаия переводит субстантивированный инфинитив славянским отвлеченным существительным бытіе:

5. есть еже паче бытѣ и# божество животнаа же тожде паче всѣкого живота животворныя силы

В греческом тексте славянскому паче бытѣ и# соответствует $\mu(\rho\epsilon\gamma\ \tau\omicron\ \epsilon\iota)=\text{nai}$. Как кажется, выбор Исаия здесь обусловлен характером предлога (приставки), который Исаия часто переводит именно таким образом ($\mu(\rho\epsilon\gamma\omega\text{w}=\text{s}$ паче естества). Переводчик использует бытіе и в других контекстах, но в основном в соответствии с греческим отвлеченным существительным $\mu(\rho\alpha\sigma\iota\gamma$.

Таким образом, на этом примере мы можем наблюдать такую черту Афонской переводческой школы как «использование лексики как кирилло-мефодиевской, так и позднейших переводческих школ» [Пичхадзе, 1991] с предпочтением в каждом конкретном случае того варианта, который лучше соответствовал структуре оригинала.

Пример 3

Греческое $\epsilon\lambda\kappa\text{-}\kappa\iota\tau\omega\gamma$ «преимущественно» (от соответствующего прилагательного, имевшего также значение «избранный, отборный») передается Исаией как словообразовательной калькой из-р#дънъ h, так и славянским эквивалентом, хотя формально и имеющим ту же структуру, но с другим «наполнением» – безмъ hрнъ. Ни тот, ни другой вариант перевода не фиксируется в исторических словарях со ссылкой на данную греческую лексему.

Изр#дънъ h в значении «преимущественно» фиксируется в Словаре Срезневского со ссылкой на Изборник 1073 года (греческое соответствие не указывается), безмъ hрнъ же приводится в Словаре XI–XVII вв. со ссылкой на памятник XVII в. (Пролог 1643 г.). Как кажется, Исаия, переводя данную греческую лексему привнес в внимание достаточно тонкие оттенки значения и передавал их разными славянскими лексемами. Рассмотрим контексты:

изр#дънъ h:

(о серафимах) и свѣсма горъ h и дѣлѣ огньственное почитаетъ изр#днъ обрзотворіе (современный перевод – «и вообще предпочитает порой (более удачным кажется перевод «преимущественно») создание огненных образов в горнем и дольнем»).

безмъ hрнъ:

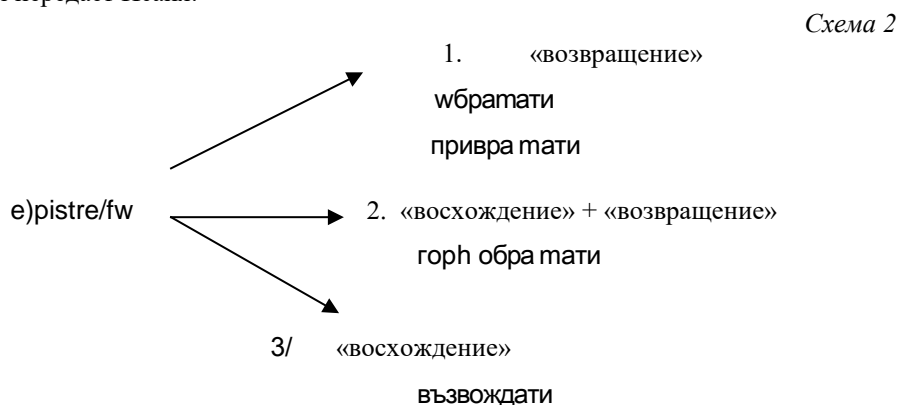
(вообще об ангелах как высшем порядке сущностей) паче всѣхъ аггельскаго именованіа безмъ hрнъ сподобишъ# за еже прѣжде въ тѣхъ бывати богонач#льному всіанію (современный перевод – «Потому и они сподобились ангельского именованія избранно и помимо всех, что в них прежде всех (других сущностей) бывает богоначальное осияние»).

Таким образом, Исаия передавал разные оттенки значения греческого слова – собственно наречное – «преимущественно, чаще всего» и транспозиционное (если можно применить к наречному словообразованию термин Ю.С. Азарх, введенный при рассмотрении словообразования существительных [Азарх, 1984]): е)/kkritoj «избранный» –> е)k–kritwj «**избранно**» – разными славянскими лексемами, имевшими близкое, но не идентичное значение.

Пример 4

Греческая лексема panolbi/wj (наречие от panо/lbioj – «вполне счастливый, богатый») передается в переводе в одном и том же значении «изобильно» двумя славянскими – точной словообразовательной калькой **всьебогатын** h (в исторических словарях не фиксируется) и более простым эквивалентом **богатын** h, наречием от соответствующего прилагательного, зафиксированного в Словаре XI–XVII вв. со ссылкой на Минею 1096 г.

Одной греческой лексеме оригинала могут соответствовать три и более варианта перевода (6 % выборки). Так, центральные, а значит и наиболее частотные термины Ареопагитик е)pistre/fw и а)natei/nw, обозначающие стремление как небесной иерархии, так и материального мира к Первопричине – Богу, передаются целым рядом славянских соответствий. Первый из упомянутых глаголов обозначал в терминологической системе Псевдо-Дионисия возвращение божественной энергии, причины тварного мира, к своему истоку и, соответственно, имел в этой системе две семантические доли – «возвращения» как такового и «восхождения» (так как возвращение творящей божественной идеи к себе означало движение вверх для всех сотворенных существей). Именно эти семантические доли передает Исаия:

Другой греческий глагол, а)natei/nw, передающий важнейшую для философской системы Псевдо-Дионисия идею движения вверх, переводится Исаией самыми разными способами, которые могут проиллюстрировать все основные приемы терминотворчества, от точного калькирования до ментализации. Точное калькирование Исаия осуществляет, используя префиксальные образования с **въз-**, приставкой, являвшейся по происхождению предлогом, который был известен праславянскому языку в дописьменную эпоху и сохранился в некоторых славянских языках [Булахов, 1998]. Эта приставка использовалась в значении «движения вверх» и «усиления признака» в самых первых памятниках славянской письменности. Кроме приставочных образований, греческий глагол может передаваться и сочетанием наречия со значением «вверх» и приставочного глагола, таким об-

разом, происходит дублирование передаваемого значения. Передача данного греческого глагола, когда он обозначал «восходить (о светилах)» с помощью переводческого приема, известного как ментализация, была хорошо известна еще в старославянских памятниках (см. ниже).

а) natei/nw – възникн @ти

въз#ти с#

въспростирати с#,

наложити

простирати с#,

въиспръ простирати (-с# - Med),

гор h възводити,

гор h простирати(с#)

въс іавати, (о светилах)

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что вариативность, которая, как отмечается многими исследователями, была характерной чертой кирилло-мефодиевских переводов, была свойственна, хотя и в меньшей степени, и переводу Исаии. Вариативность обуславливалась как действием законов переводящего языка (передача Genetivus possessivus притяжательным местоимением, употребление видовых пар славянского глагола в соответствии с определенными временными формами греческого глагола), так и собственно личностными решениями переводчика, который использовал разные славянские слова для передачи оттенков значений греческого слова, а также часто колебался между требованием соответствия структуры оригинала и перевода и своим собственным пониманием, что подобает переводу сочинения «божественного Дионисия» (так традиционно называли Дионисия Ареопагита в славянской книжности). Привлечение текстов других трактатов, входящих в Ареопагитики, так же как и текста схолий Максима Исповедника может существенно увеличить процентное соотношение неоднозначных греко-славянских соответствий, доля которых в греческо-славянском словнике трактата «О небесной иерархии» составляет 23 %.

Литература

Аверина С.А. Лингвистическое исследование древнеславянского перевода «Жития Епифания Кипрского» по русской рукописи XIII в. Л., 1975.

Азарх Ю.К. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

Афонасин Е.В. К проблеме истока светской и духовной образованности славян: язык церковнославянского перевода корпуса сочинений, надписываемых именем Дионисия Ареопагита // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. М., 1999.

Булахов М.Г. Из праславянского наследия: предлог *възь, префикс *въз- // Славистический сборник. СПб, 1998.

Бычков В.В. Образ как категория византийской эстетики // Византийский временник. Т. 34. М., 1973.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Варбот Ж.Ж. Славянские предствления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.

Верещагин Е.М. Кирилл и Мефодий как создатели первого литературного языка славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996.

Вялкина Л.В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала: (на материале Ефремовской Кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.

Голейзовский Н.К. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV-XVI вв. // Византийский временник. Т. 26. М., 1965.

Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С. Поэтические термины в Изборнике 1073 г. и развитие их в русской традиции: (анализ трактата Георгия Хировоска) // Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977.

Дегтев С.В. Замечания о двух переводах в составе сочинения Григория Назианзина «Тринадцать слов» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991.

Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1963.

Ефимова В.С. О выражении значения суперлатива формами компаратива в старославянском языке // Folia Slavistica. М., 2000.

Истрин В.М. Книги временных и образных Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь: В 3 т. Пг., 1920-1930.

Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998.

Клибанов А.И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957.

Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А. Древнерусские Ареопагитики. М., 2002.

Момина М.А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси XI в. // ТОДРЛ. Т. 45. СПб, 1992.

Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X-XV вв. // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1963.

Мурьянов М.Ф. О старославянском *искръ* и его производных // Вопросы языкознания. 1981. № 2.

Орлова Т.И. Основные принципы изучения лексической синонимии в древнерусском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1975.

Панин Л.Г. Исследование лексических различий в Минейном Торжественнике (на материале списков тождественного состава XV в.) // Лексическая и фразеологическая семантика народов Сибири. Новосибирск, 1987.

Панин Л.Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Новосибирск, 1988.

Пичхадзе А.А. К истории славянского Паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991.

Хабургаев Г.А. Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1989. № 4.

Харней Ю., Штурм Г., Фаль Д., Фаль С. Метафизика предлогов: повторяющиеся непонятные маргиналии в древнейшей рукописи славянского перевода творений Дионисия Ареопагита // ТОДРЛ. Т. LIV. СПб, 2003.

Чернышева М.И. К истории слова *образ* // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М., 1991а. Ч. 1.

Чернышева М.И. «По образу и подобию» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991б.

Шенкер А.М. Древнецерковнославянское искрь «близко» и его производные // Вопросы языкознания. 1981. № 2.

Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967.

Goltz Hermann Notizen zur Traditionsgeschichte des Corpus areopagiticum slavicum // Byzanz in der europäischen Staatenwelt. Berlin, 1983.

Словари и энциклопедии

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991

Miklosich F. Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862-1865

Словарь русского языка XI–XVII вв: В 26 вып.

ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1–3.